

«Во сне и наяву» – сборник рассказов.

© 2016 – Александра Треффер

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from the copyright owner.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: alexandra.treffer@yandex.ru

Обложка и иллюстрации автора.

Веб-сайт: <http://knigi-treffer.ucoz.net/>

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Об авторе.

Александра Треффер – прозаик, поэтесса, композитор-песенник, вокалист. В её литературном активе романы, повести, рассказы в жанре фантастики и фэнтези с элементами мистики и хоррора, а также стихи, тексты авторских песен и другое.

О книге.

Сборник «Во сне и наяву» получил своё название не случайно. Некоторые произведения с вкраплениями мистики в художественной форме повествуют о событиях, произошедших в жизни автора и его друзей, идеи других навеяны сновидениями, и каждая история по-своему интересна. В отличие от предшественницы – книги коротких рассказов «На грани», в новой меньше морали и больше развлекательного материала. В него вошли и несколько работ из предыдущей коллекции.

Содержание:

1. Севостьяновская буря (мистика).
2. Висельник (ужас, чёрный юмор).
3. История болезни (фэнтези).
4. Избранник (психология, фэнтези).
5. Нос (фантастика, UFO).
6. Любовь за гробом (мистика, психология).
7. Обратная сторона (мистика, фэнтези).
8. Велосипед (мистика, чёрный юмор).
9. Ясновидящий (мистика).
10. Искушение (мистика, ужас, психология).
11. Дипломная работа (мистика).
12. Лист мяты (мистика).
13. Ворона (мистика).
14. А после рассвета настала ночь (мистика, ужас).
15. Зеркало (ужас).
16. Ведьма (мистика).
17. ... во имя жизни (почти научная фантастика).

1.

В дверь большого дома, стоящего в центре странно безлюдного села Севостьяново, опасно поглядывая на небо, покрытое набухшими влагой тучами, отчаянно колотил хорошо одетый мужчина лет тридцати пяти.

– Да что же вы, черти, – задыхаясь, бормотал он, – все там повымерли что ли?

И кулак его снова обрушивался на неподатливые доски.

Заскрипела калитка, и раздался дребезжащий женский голос:

– Ты кто, сынок? Что здесь забыл?

Вздрогнув, человек резко повернулся и увидел невысокую старушку, одетую по моде тридцатых годов двадцатого столетия. Она вопросительно смотрела на неизвестного, перебирая пальцами кисточку опоясывающего бёдра шнура. В маленькой женщине не было ничего угрожающего, и мужчина перевёл дух.

– Здравствуйте, – приветствовал он её, – я заблудился. Час кружил по посёлку, а выбраться не смог. Вот, хотел дорогу спросить.

– Беда, – покачала головой пожилая дама, – невовремя тебя сюда занесло.

Она показала на небо.

– Грядёт буря. Пока она не минует, покинуть село не сможет никто. На обочине твоя машина?

– Моя, – подтвердил незнакомец.

И, нахмурившись, спросил:

– Что тут творится, что за мистика такая?

– Долго объяснять. Как тебя звать, сынок?

– Я Владимир Мохов, можно Володя.

– Вот что, Володя....

Подойдя, женщина взяла того за руку.

– ... дом этот большой, людей в нём много, тьма его не обойдёт. Конечно, тебя никто не выгонит, но прятаться в нём не стоит. Идём со мной. Я живу одна, и ко мне, Бог даст, никто не заглянет.

– Вы о чём? – недоумевающе спросил Владимир.

– Всё после....

И старуха увлекла заинтригованного собеседника за собой. Перейдя дорогу, она толкнула дверь осевшего, запущенного домика и остановилась, пропуская мужчину вперёд. Шагнув за порог, тот осмотрелся.

Взгляду его предстала обычная деревенская кухонька, пропитанная запахом прелости и плесени; все старые деревянные строения пахнут именно так. Но кроме тяжёлого влажного духа, в воздухе витал яркий цветочный аромат, и, очутившись в комнате, Владимир ахнул: повсюду в горшках, небольших ведёрках и даже кастрюлях цвели розовые кусты.

– Какое чудо! – восхитился он. – Когда-то я тоже пытался выращивать эту красоту, но растения почему-то не прижились.... Эй, что вы делаете?!

Этот возглас вырвался у Мохова, когда женщина взяла большую доску, намереваясь заколотить вход.

– Так надо, – сказала она резко.

И более мягким тоном добавила:

– Давай-ка выпьем чая. Я закончу здесь, а ты поставь самовар, он в углу....

– Нет уж, – возразил Владимир, – лучше я тут.

Пока он вгонял гвозди в дерево, прибывая его накрест и поперёк, в комнате весело звякали чашки.

– Как мне вас называть? – присоединившись к хозяйке, поинтересовался мужчина.

– Нинель Фёдоровной, – отозвалась та, намазывая повидлом ломоть хлеба.

– Так что здесь происходит, Нинель Фёдоровна? – повторил вопрос собеседник, принимая кружку с чаем.

– Севостьяновская буря, – загадочно ответила старушка.

– Мне это ни о чём не говорит, – покачал головой Владимир.

– Ладно....

Женщина помолчала, прихлёбывая кипяток.

– Когда я поселилась в Севостьяново, – начала она, – а случилось это лет сорок назад, у меня была семья: муж и трое детей....

– Была?

– Да. Младший сын уехал в город после того, как погибла его сестра. Остальные пропали раньше.

– Как, пропали? – удивился Мохов.

– В буквальном смысле. Наше село, как объяснил однажды специалист, стоит на разломе. И здесь исчезают люди.

– Господи!

Руки мужчины затряслись, и горячий чай выплеснулся ему на колени. Взыв, Владимир вскочил и забегал по помещению.

– Но зачем вы баррикадируете входы? – остановившись и кивнув на закрытое ставнями окно, спросил он.

– Ты дослушай, – недовольно сказала женщина. – Видел тучи?

Мохов кивнул.

– Так вот, сынок, раз в три-четыре года они затягивают небо, и начинается кошмар. Пока за стенами гудит буря, по посёлку бродят силы зла. Они охотно навещают дома, где живут большие, зажиточные семьи, и люди стараются загородить любую щель, через которую их могут увидеть. А благоухание роз заглушает запах человеческой плоти.

– И что собой представляет это зло? – поинтересовался гость, уже не сомневающийся, что слушает страшную сказку.

– Выжившие не знают, а мёртвые рассказать не могут. По каким приметам оно выбирает жертвы, неизвестно, но перед тем как исчезнуть, те страшно кричат и отбиваются от пустоты.

Посмотрев на улыбающегося мужчину, Нинель Фёдоровна попеняла:

– Не веришь? Зря. Возможно, то, что я говорю, и походит на бред сумасшедшего, но я своими глазами видела, как мои Петя и Олег, промучившись несколько минут, растворились в воздухе. А через несколько лет это повторилось....

– Знаете что, – несколько раздражённо прервал её Владимир, – спасибо вам за чай и за интересную беседу, но мне пора. Дождь в машине не страшен, а дорогу я как-нибудь отыщу.

– Дверь заколочена.

– Ничего, выберусь через окно.

И направился к нему.

– Нет!

Крик женщины напугал Мохова, и он обернулся. Старуха смотрела вслед безумным взглядом, не пытаясь, однако, подняться с места.

– Володя, – лихорадочно быстро заговорила она, – не надо. Я не хочу, чтобы твоя смерть осталась на моей совести. Прощу, пережди бурю здесь. В моём доме, возможно, и не безопасно, но снаружи ты будешь, как на ладони. Тебя ждут боль и ужас, а меня....

Она сглотнула.

– А меня – очередное потрясение.

Владимир закипел.

– Послушайте, но это же смешно... – начал он.

И замолчал, услышав, как по стеклу замолотили струи дождя, и оно зазвенело от порывов шквалистого ветра.

– Н-да, – пробормотал мужчина, – от такой грозы, действительно, лучше прятаться под крышей.

Он сел.

– У вас хороший язык, – сказал он. – «Тебя ждут боль и ужас, а меня очередное потрясение», – звучит вполне литературно.

Нинель Фёдоровна не улыбнулась.

– Я учительница, – сказала она. – Была. Преподавала в местной школе русский язык.

– Тогда понятно.

Они помолчали.

– Вот вы – интеллигентный человек, – начал Мохов, – а верите в дурацкие страшилки. В ваших устах эта история звучала так убедительно, что я немного испугался. Но ведь это чушь.

Женщина обречённо покачала головой.

– Думай, что хочешь, но, прошу, не покидай дом, пока буря не утихнет. Если не ради себя, то хотя бы ради моего спокойствия.

– А она, похоже, кончается, – поднимаясь и шагая к окну, сказал мужчина.

Владимир прищелкнул глазом к дырочке от сучка. И не сразу осознал, что его зрачок находится на одной линии с другим: огромным, иссиня чёрным с красноватым отливом, покоящемся на жёлтого цвета радужке.

Отшатнувшись, Мохов не устоял на ногах и упал.

– Что... что это? – прошептал он.

– А что ты видел? – напряжённым тоном поинтересовалась Нинель Фёдоровна.

– Глаз. Там глаз... – ошеломлённо пробормотал гость и вскрикнул, когда зазвенело выбитое стекло, и ставни завибрировали от сильных ударов снаружи.

– Автомобиль, – пробормотала старуха, – надо было его отогнать. Они догадались....

– О чём? – в страхе спросил мужчина.

– Что в доме кто-то есть.

– Ну, и что же нам делать? – внезапно потеряв голос, прошептал Владимир.

– Ничего, – не интонируя, отозвалась собеседница, – это конец.

Вновь раздался грохот, один из ставней влетел в комнату, и, снеся покалеченную раму, внутрь вползло нечто, настолько ужасное, что человек онемел. Внешне бесстрастно старуха наблюдала за молчаливой борьбой жертвы с видным только ей порождением ада, как вдруг... дождь прекратился, ветер стих, и в комнату проникли горячие лучи солнца. Тот, о чьей душе беззвучно молилась хозяйка, рухнул на пол, а женщина кинулась к нему, повторяя:

– Не успели, не успели....

И заплакала, разглядев багровый росчерк когтей на предплечье гостя и густую проседь в тёмных волосах.

Вечерело. Стоя у калитки, хозяйка злосчастливого жилища смотрела, как Владимир неверными шагами идёт к машине, как садится за руль, и губы её шептали:

– Видно, мальчик угоден Богу, иначе он бы его не спас.

Хлопнула дверца, и Нинель Фёдоровна вздрогнула, увидев, что Мохов возвращается.

– Собирайтесь, – негромко сказал тот. – Достойный человек не должен жить в этом проклятом месте. Если вас не увез отсюда сын, то это сделаю я.

Не поверив собственным ушам, старая женщина с минуту постояла, осмысливая услышанное, и со всех ног кинулась к дому.

2.

Лёня, разбуженный настойчивыми просьбами мочевого пузыря, крался по тёмной квартире, направляясь в туалет.

Леонид Марков - двадцатилетний студент литфака, недавно женившийся на своей ровеснице Наде, носившей под сердцем его ребёнка – плод неосторожного соития, со дня свадьбы жил у неё. Здесь всё было иначе, чем в его светлом доме: окна сталинки, напоминающие тюремные решётки, не пропускали внутрь свет фонарей из двора-колодца, светильники по настоянию экономной Надиной мамы выключались ровно в одиннадцать, и ночами в многочисленных помещениях царил непроглядный мрак.

А Лёня с детства боялся темноты. И сейчас, нервничая и натываясь на расставленные повсюду стулья и пуфики, которые, казалось, специально покинули привычные места, чтобы броситься под ноги полуночнику, пытался убедить себя, что ему совсем не страшно, чувствуя при этом, как из стен в его сторону тянутся зловещие щупальца, а с потолка недобро смотрят мрачные чёрные глаза.

Выбравшись, наконец, в коридор, юноша, задевая головой висящее на верёвках бельё, опрометью кинулся к санузелу. Щёлкнув выключателем и с облегчением вздохнув, Лёня шагнул в сияющий мир размером в два квадратных метра. Наступила передышка. Но всё хорошее когда-нибудь кончается, и настала пора возвращаться.

Очутившись за границей приветливой реальности, молодой человек решительно погасил свет и метнулся к небольшому бра на стене прихожей. Решив, что выговор

тёщи станет меньшим злом, чем растрата нервной энергии, он дёрнул шнурок и... замер, похолодев.

Тусклый луч, не способный рассеять темноту в углах, высветил застывшую посреди коридора фигуру, наполовину скрытую выстиранными тряпками. Склонив голову, человек молча разглядывал оцепеневшего от страха юношу.

Лёня, готовый в любую секунду дать стрекача, глазами полными ужаса, смотрел на неизвестного. Тот не шевелился, и наблюдатель вдруг осознал, что ноги незнакомца не касаются пола. Перед внутренним взором мелькнула картинка, однажды виденная в книге: та же пугающая неподвижность, упавшая на плечо голова – висельник.

– Господи, – мелькнула мысль, – кто мог покончить с собой у нас в квартире? Или беднягу повесили? Но тогда... А может быть, это тёща решила свести счёты с жизнью?

Пока Лёня лихорадочно искал объяснение, объект его размышлений задвигался. Вздвогнув, юноша взгляделся в зловецкий полумрак, где загорелись две красные точки. Выглядело это так, словно мертвец открыл глаза.

Неожиданно соскользнув с верёвочной струны, на пол упала простыня, загораживающая страшного визави, и тот, не сводя взгляда с жертвы, медленно направился к ней.

Вопль Лёни слышал, наверное, весь район. Зажмурившись и жалобно поскуливая, молодой человек прижался к стене, ожидая холодного прикосновения и немедленной смерти, как вдруг...

– Лёнчик, ты чего орёшь? – прозвучало сердитое. – Ночь на дворе.

– Тётя Ира, бегите, – прошептал тот одними губами так тихо, что женщина не услышала.

И продолжила, обращаясь к самой себе:

– Опять Надька не сняла своё шматьё. Высохло, спрячь. А не хочешь, так нечего бурчать, что оно мятое и грязное.

Зажёгся свет, что-то зашуршало, и снова послышалось ворчание:

– Ну, что за верёвки? Как не натягивай, всё равно провисают. И бельё вечно падает и пачкается.

Осторожно взглянув, юноша ахнул. Тёща держала за шею висельника, внезапно превратившегося в распяленные на плечиках платье и блузку Лёниной жены, а с полочек кофты тому подмигивали, поблёскивая, две большие яркие стекляшки.

Утром по настоянию мужа, в волосах которого замелькали первые сединки, Надя переехала жить к нему.

3.

Чёрный рыцарь хмурился. Нетерпеливо топая ногой, он грубым тоном отдавал приказы, и воины выстраивались ровными рядами, готовясь к битве.

Растолкав солдат, к господину подбежал паж. Лицо его походило на крысиную мордочку: остренький носик безостановочно шевелился, словно его хозяин постоянно принюхивался, а маленькие чёрные глазки злобно поблёскивали.

– Что донесла разведка? – поинтересовался рыцарь, поднимая забрало. – Насколько силён наш враг?

Любой другой, окажись он на месте юного уродца, отшатнулся бы в страхе, увидев безобразное лицо чёрного повелителя. Но вассал даже не вздрогнул.

– Путь свободен, – сообщил он. – Белых впереди мало, и они так слабы, что мы легко одержим над ними верх.

Полководец с сомнением покачал головой.

– Не может быть, – сказал он.

– Это правда, мессир, – уверил собеседник. – Солдат противника так долго держали в тепличных условиях, что те расслабились, перестали тренироваться и превратились в неповоротливых и бессильных толстяков.

– Ну, в таком случае, – неприятно усмехнувшись, промолвил рыцарь, поворачиваясь к войску, – вперёд!

Наступила тишина, воины внимали словам *сюзерена*.

Сюзерен – В средневековой Европе крупный земельный собственник-феодал, государь по отношению к зависимым от него вассалам.

– Вперёд, – повторил тот, – и живых не оставлять!

Заревев, чёрное братство ринулось в бой. Легко смяв ряды белых, они крушили тех, нанося удары направо и налево. И наступил момент, когда противник дрогнул, обратившись в беспорядочное бегство.

Витя лежал в кровати, глядя в потолок и изнемогал от жары, жажды и тяжести двух тёплых одеял. Вчера он заболел. А ведь мама берегла сына. Она всегда держала форточки закрытыми, а щели между рамами заклеивала липкой бумагой. Когда же Витя шёл гулять, укутывала его так, что ребёнок едва мог дышать, с трудом двигался и, конечно, не мог играть со сверстниками.

В конце концов, тому надоела собственная беспомощность, и он решительно стащил с шеи туго стянувший её шарф, а со вспотевших ладоней тёплые перчатки. И простудился. У него поднялась температура, продержавшаяся всю ночь, а к утру вместе с лишними градусами тело Вити покинули последние силы.

Вздохнув и повернувшись на бок, мальчик погрузился в тяжёлый сон.

Ему пригрезилось поле боя, где повсюду распластались облачённые в белые доспехи тела. Испуганно озираясь, Витя шёл вперёд, переступая через неподвижных людей, но один из павших неожиданно приподнялся и ухватил его за лодыжку.

– Ступай на север, – прошептал он. – Там ты найдёшь разноцветных...

Не договорив, несчастный разжал руку и с грохотом повалился на землю. Ребёнок недоумевал. Он не понял, о чём говорил рыцарь, но на всякий случай решил его послушаться.

Сделав несколько шагов, мальчик сообразил, что не имеет понятия, в каком направлении идти. Его окружала выжженная солнцем степь, стороны которой были похожи одна на другую. Он уже начал отчаиваться, когда вдалеке показался всадник. Витя кинулся навстречу, но остановился, напуганный выражением лица незнакомца.

– Эй, малец, – спросил тот, – ты не видел, куда поскакали рыцари в чёрных доспехах?

Витя замотал головой, а неизвестный с подозрением посмотрел на него.

– Ты кто такой, – поинтересовался он, – и как оказался во владениях сэра Грипсиуса?

– Н-не... не знаю, – прошептал ребёнок.

И чуть громче добавил:

– Я сейчас уйду, только, пожалуйста, скажите, где север?

– Вон там....

Всадник небрежно махнул рукой, но тотчас глаза его грозно сверкнули, и он спросил:

– А что ты там забыл? Ты шпион наших врагов? Во-от оно что....

Не слушая сбивчивых объяснений мальчика, чёрный рыцарь взял его в плен, и вскоре связанный Витя сидел на лошади, упершись носом в металлическую спину захватчика.

– Я отвезу тебя к мессире, и он визнает всё, даже если ему придётся раскалёнными клещами вытягивать слова у тебя из глотки, – довольно приговаривал злодей.

А ребёнок, слыша это, обмирал от ужаса.

Они ехали долго. Солнце нещадно палило голову, было невыносимо жарко, и дороге, казалось, не будет конца. Ни единого человека не попалось на пути всадника и его пленника, и вскоре первый принялся бурчать под нос:

– Куда они могли подеваться? Как сквозь землю провалились. Где их теперь искать?

Когда же светило нырнуло за горизонт, рыцарь решил:

– Заночуем здесь.

Темнота опустилась неожиданно, и за пределами освещённого костром пятачка воцарился непроглядный мрак. Сняв шлем и ножны, похититель улёгся прямо на землю, привязав Витю к своей ноге. Но лишь только он захрапел, мальчик, стараясь не дышать, потянулся к мечу, оставленному владельцем в пределах досягаемости.

Разрезав путы, Витя, ориентируясь по звукам, направился к лошади. Когда незадачливый беглец взял поводья, конь, злобно фыркнув, больно его укусил, и ребёнок не сумел сдержать крик. Проснувшийся рыцарь притащил пленника обратно, связав того ещё крепче. Освободиться Витя не смог и смирился. Измученный он крепко уснул, пробудившись от первых солнечных лучей.

А потом снова была тяжёлая, изматывающая дорога. Мальчик дважды сваливался с коня, его терзали голод и жажда, и неизвестно, чем бы всё для него закончилось, если бы впереди не показалась река, на берегу которой расположились какие-то люди.

– Вот они! – воскликнул похититель и пришпорил коня.

Но, подскакав ближе, побледнел и попытался развернуться. Навстречу ему неслись воины в разноцветных доспехах, и Витя понял, что раненый рыцарь говорил именно о них.

Странно, но всадники не напали на врага, а окружили того плотным кольцом, не позволяя вырваться. Злодей немного приободрился, но всё же, когда последовал приказ отдать пленника, подчинился беспрекословно.

Мальчика развязали, напоили водой и куда-то повели. Он очутился в большом шатре, где седовласый старец пристально рассматривал ползающих у него под ногами существ.

Приглядевшись, Витя ахнул: таких чудовищ он не видел даже в кошмарах. Отвратительные скользкие, лупоглазые твари сновали туда и сюда, а заметив гостя, ринулись к нему. Тогда старик схватил нож и, вскрыв вену, обрызгал монстров кровью. Миг, и ужасные создания рассыпались прахом, а спаситель поманил ребёнка к себе.

– Это микробы, – объяснил он, – а привёз тебя сюда злостный вирус. Кстати, как твоё имя?

Витя представился.

– А я зовусь Антибиотиком, – сообщил собеседник. – Ты слышал обо мне?

Мальчик наморщил лоб.

– Антибиотик – это, кажется, лекарство какое-то, – прозвучал неуверенный ответ.

– Не какое-то, – обиделся старик, – а самое сильное из тех, что придумали люди. Я, мои дети и внуки способны справиться с самыми страшными болезнями. А наши вассалы – витамины поддерживают человеческий организм в период излечения.

Подождав, пока информация уложится в мозгу ребёнка, он поинтересовался:

– Тебя прислали лейкоциты, я прав?

– Нет, – удивился Витя, – мне велел идти к вам белый рыцарь.

– Он один из них. Значит, ты и есть тот мальчик, которого так избаловали теплом, что твои защитники – белые кровяные тельца потеряли способность к сопротивлению?

Сообразив, о чём говорит собеседник, Витя понуро кивнул.

– Что ж, – бодро произнёс Антибиотик, – раз они в беде, мы должны им помочь. Но для этого тебе нужно отыскать и привести их сюда.

– А если меня схватят люди сэра Гра... Гриппиуса?

– Тогда тебе придётся несладко, – покачал головой старик, – ты уж постарайся не попасть им в лапы. Запомни, мы не можем перейти границу. И если ты не найдёшь лейкоцитов, нам не удастся тебя вылечить.

Старик позвал двух воинов, и те, нагрузив Витю едой и водой в дорогу, проводили его до опасного рубежа. Попрощавшись с новыми друзьями и полюбовавшись на цветастый круг, в котором метался его мучитель, мальчик пустился в путь.

Пока шли поиски, ночь дважды сменила день, и Витя уже решил, что его задание провалено, когда заметил вдалеке палаточный лагерь. Распластавшись на животе, он пополз вперёд, прячась за короткой колючей травой. И вздохнул с облегчением, увидев белые, а не чёрные латы.

Но как же велико оказалось разочарование, когда навстречу мальчику вышли рыхлые развалины, а не подтянутые, тренированные солдаты.

– Ох, и удружила мне мама, – расстроено подумал Витя. – Разве это бойцы? Да их самих надо спасать.

И кинулся тормошить безразличных ко всему рыцарей.

– Вы хотите, чтобы я умер, – кричал он, – или на всю жизнь остался таким же, как вы – уродливым и больным? Вы должны мне помочь, это ваша обязанность.

Его слова возымели своё действие, и лейкоциты зашевелились. С трудом взобравшись на коней, они неторопливым шагом двинулись за хозяином. В дороге лентяи скинули лишний вес, и на границу прибыли уже совсем иные существа. Но слабость не оставляла их, и тогда за дело взялись витамины.

Когда они прикасались к лейкоциту, тот оживал, выпрямлялся и делился на несколько частей, рождая новых воинов. И вскоре армия белых выросла настолько, что ей уже не были страшны никакие враги.

– Ты молодец, – глядя Витю по голове, с уважением произнёс старейшина, – ты способен бороться. Только учти, лекарства лекарствами, но самое главное – правильное питание, свежий воздух, активное движение, холодная вода и, конечно, никакой лишней одежды.

– Я запомню, – поклонившись старику, сказал мальчик.

Оба повернулись к бряцающему оружием оживлённому войску.

– Отправляйтесь на битву, – напутствовал солдат Антибиотик, – и возвращайтесь с победой! От вас и только от вас зависит здоровье этого храброго ребёнка.

Он положил руку на плечо Вити. Тот успел увидеть, как чёрные и белые рыцари мчатся навстречу друг другу, как первые валятся под ударами вторых, и всё расплылось перед его глазами. Очнулся он в своей комнате. Мальчик чувствовал себя прекрасно. Лёгким движением откинув так долго докучавшие ему одеяла, он сделал несколько упражнений и приступил к водным процедурам.

Повзрослев, Витя не изменил своим привычкам. Он не занимался спортом всерьёз, но каждое утро, как бы рано не вставал, делал зарядку и обливался холодной водой. Про болезни Виктор Алексеевич давно забыл, но, помня о белых рыцарях, старался сделать всё, чтобы те чувствовали себя такими же бодрыми и здоровыми, как он сам.

Защитники платили хозяину той же монетой, стойко обороняя его от мессира Грипсиуса и прочих зловредных хворей. А вечерами, сидя у лагерного костра, рассказывали новичкам о судьбоносном сражении, однажды перевернувшем их жизнь.

4.

– Снег, – сказал он, повернув ко мне лохматую голову.

– Ага, – машинально подтвердила я.

Но тотчас подскочила, изумлённо уставившись на собеседника. Неужели мне не почудилось? Ведь мы не разговаривали с того момента, как нашли друг друга в магазине. А он мечтательным тоном продолжил:

– Как здорово было бы сейчас выбежать на свежий воздух, постоять, глядя в небо и ловя снежинки ртом, поваляться в сугробах...

– Какие сугробы? – перебила я. – Конец октября. И снег с дождём.

Возникла пауза.

– Да? – прозвучало разочарованное. – Жаль.

Он помолчал и добавил:

– Всё равно, хотя бы воздухом подышать.

– Тебе форточки не хватает? – съязвила я.

Послышалось фырканье.

– Конечно, нет. И, вообще, жизнь в четырёх стенах – совсем не та, что на природе, хотя некоторые природные явления наблюдаются и здесь. Например, вчера твой кот попытался испортить мне причёску.

– Тю, – удивилась я, – то-то я давно его не вижу. Он хоть живой ушёл?

– Живой, но израненный, – хихикнул живодёр.

– Ладно....

Я решительно поднялась.

– Идём....

Мы долго гуляли по улицам, беседуя обо всём на свете и не обращая внимания на прохожих, ошалело глядящих вслед. Но внезапно он замолк на середине фразы и, как я ни старалась, мне не удалось его разговорить. Вздохнув, я обняла избранника так крепко, как он позволил, и повернула к дому.

Очутившись внутри, я, не разуваясь, прошла в комнату и, стряхнув мокрый снег со своих и его волос, поставила кактус на окно.

5.

Как известно, любопытство – это активное стремление к познанию окружающего мира. Оно свойственно и животным, и людям, у иных его даже в избытке, что порой приводит к непоправимым последствиям. Но иногда случается, что именно любопытство спасает чью-то жизнь.

Так юный Нос Шитов, живущий в маленьком провинциальном городке, благодаря своей любознательности, однажды оказался в привилегированном положении по отношению ко всему человечеству. Пожалуй, стоит уточнить, что имя Шитова было Сергей, и прозвище своё он получил не за выдающуюся часть лица, а за стремление сунуть свой довольно-таки аккуратный шнобель во всё, вокруг происходящее.

Не смог пройти он и мимо НЛО. Напоминающий его предмет находился слишком далеко, чтобы юноша сумел разглядеть, что тот собой представляет, но воображение романтика нарисовало хозяину летающую тарелку во всех подробностях. Ведомый любопытством Нос поспешил за необычным движущимся объектом в узкий, тёмный переулок, где встретился с подвыпившей компанией местных хулиганов, доказавших ему, что звёзды иногда сыплются не только с небес. Убедив себя, что это не совпадение, и сияющий проводник намеренно завлѣк его в ловушку, Шитов бесповоротно поверил в летающие блюдца и воспыал ненавистью к братьям по разуму. Со свойственной молодым откровенностью он часто делился своими соображениями с окружающими, и непорядочные собеседники, сначала за спиной, а потом и в глаза, стали звать его Носом Шизовым.

Разобиженный Сергей присоединился к уфологическому обществу, где рассказывали такое, что волосы Носа вставали дыбом. Он узнал, что зелёные изуверы заманивают людей в места, где тех ждут неприятности или сами пришельцы, не гнушающиеся насилия. И проникся уверенностью, что случись блуждающей звезде завести человека на необитаемую пустошь, никто и никогда больше его не увидит. Шитову поведали, что злые гуманоиды вытворяют с людьми, как некоторые возвращаются из плена покалеченными, сумасшедшими или без памяти. Когда он внимал историям о женщинах, рожавших ни на что не похожих детей, об озверевших мужчинах, уничтожавших собственные семьи, ненависть его к мерзким тварям разгоралась пуще, и всё сильнее становилось желание отомстить за поруганную честь человечества.

Вместе с соратниками Нос нередко принимал участие в учениях, взрывая макеты тарельчатых кораблей и мечтая о настоящей битве, но случая подраться всё не представлялось; инопланетяне не спешили вступать в схватку с хорошо подготовленными боевиками.

– Трусят, – с горечью думал Сергей, расстреливая мишень пластмассовыми пулями, – не хотят воевать. Они прекрасно понимают, что напади мы, и им придѣт конец.

Если бы он знал, как далѣк от истины. Но истово верующий в непобедимость человека Нос не сомневался, что пришельцы боятся землян, пока не пришла пора убедиться в обратном.

Однажды погожим осенним вечером Сергей, проведший день на даче друга и упустивший последний автобус, возвращался в город пешком. По обыкновению глядя в небо и спотыкаясь, Шитов прибрёл к большой поляне, где местные жители, в хорошую погоду собиравшиеся на шашлыки, частенько наблюдали в небе странные летающие объекты. Перешагнув границу, он внезапно остановился и задумался.

– Может, стоит заставить их показаться? – посоветовался он с самим собой.

И согласился:

– Стоит.

Сказано-сделано. Разведя огонь, Нос с громкими криками заплясал вокруг костра, отчаянно размахивая одной рукой, а второй придерживая в кармане пневматический пистолет. И вскоре над ним появилась подвижная светлая точка, становившаяся всё больше, пока, наконец, не превратилась в светящийся диск.